

ГИГИНЕЙШВИЛИ Б. К.

К ПРОБЛЕМЕ ДОСТОВЕРНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ

Все возрастающее значение лингвистической реконструкции связано не только с чисто языковедческими интересами, но и с ее важной ролью в исследованиях культурно-исторического характера. Именно это обстоятельство налагает особую ответственность на лингвистов-компаративистов, представляющих вместе с историками и археологами ведущее звено в подобного рода разысканиях.

Как известно, сравнительно-историческое изучение группы родственных языков своей основной целью считает построение такой гипотетической системы языка-основы, исходя из которой было бы возможно путем последовательных трансформаций уяснить пути развития родственных языков, указать на процессы, которые способствовали дифференциации форм этих языков, начиная с периода их общности вплоть до их последней фиксации. Реконструкция преследует именно эту цель. Реконструкция сама по себе гипотетична, но она опирается на реально существующие соответствия между родственными языками. Мы не можем ограничиться констатацией этих соответствий. Как справедливо отмечал Ф. де Соссюр, «если мы не хотим, чтобы установленные нами соответствия между несколькими формами оказались бесплодными, мы должны поместить их во временную перспективу и прийти к восстановлению их единой праформы» [1]. Однако невозможно реконструировать праязык в том виде, в каком он функционировал, не столько из-за его большой хронологической давности, сколько из-за невозможности реконструкции всех его уровней. Мы в основном разделяем известное мнение, согласно которому «можно полагать, что только те уровни, которые содержат единицы, данные закрытым списком, допускают реконструкцию глобальную; к таким уровням относятся фонетический (фонемный) и морфологический (морфемный) уровни; синтаксический и лексико-семантический содержат единицы или конститутивные элементы, данные открытым списком; тем самым, можно было бы полагать, что эти уровни не допускают реконструкции» [2]. Следует, однако, заметить, что и в этом направлении можно надеяться на лучшее при наличии соответствий между сложными словами¹ или твердо сложившимися выражениями.

Одной из традиционных является проблема достоверности реконструированных форм. Два противоположных мнения, согласно одному из которых реконструируемые формы представляют собой только лишь выражение в формулах меняющихся воззрений на объем и характер языкового материала и не дают нашему знанию никакого нового материала (Б. Дельбрюк), согласно же другому реконструированные формы приравниваются к «фактам» (Ф. Ф. Фортунатов, В. Поржезинский), в последнее время заменены более реалистичной трактовкой. Согласно Г. А. Климову, реконструкция всегда представляет собой более или менее приближенное отражение стоящей за формулой звукосоответствия языковой реальности прошлого [4, с. 42]. О. Семереньи полагает, что «...каждая реконструкция отражает соответствующий уровень в развитии лингвистики. Следовательно, реконструированную форму, как и естественно-научную теорию, надлежит модифицировать и улучшать по мере новых открытий» [5, с. 45]. Далее он пишет: «Только в случае признания реальности различных реконструированных форм имеет смысл

¹ О такой попытке на материале картвельских языков см. [3].

ставить вопрос о том, как они соотносятся друг с другом, то есть как выглядела система. Реализм играет в этом плане решающую роль, поскольку реконструирование фонетически невозможных звуков или их последовательностей (=слов) явилось бы не более как пустым занятием» [5, с. 45]. Из рассуждения автора следует, что реконструированные формы должны признаваться реальными. Вместе с тем он считает, что реконструкции разных этапов развития лингвистики неравноценны. Следовательно, то что было «реально» во времена младограмматиков, не столь реально в настоящее время. Однако реальность, зависящая от интерпретатора, уже не реальность, и поскольку методика сравнительно-исторических исследований по существу не претерпела сколько-нибудь серьезных изменений, приходится считать, что, по-видимому, не все исследователи применяли ее с достаточной строгостью. Такое заключение поддерживается еще и тем неоспоримым фактом, что на одном и том же уровне развития языкознания встречаются взаимоисключающие или очень различные реконструкции. Прежде чем назвать конкретные примеры, считаем нужным указать на общеизвестные необходимые предпосылки надежности реконструкции: 1) строгое соблюдение принципов регулярности и системности при установлении звукосоответствий; 2) непротиворечивость при толковании формул звукосоответствий; 3) умелое использование дистрибутивной информации; 4) выбор архетипа, исходя из систем сравниваемых языков с учетом наличных в этих языках тенденций модификации звуков. Эти казалось бы азбучные истины довольно часто грубо нарушаются и подменяются вероятностными критериями.

На наш взгляд, в современной компаративистике непомерно возросла роль ассоциативности в этимологических разысканиях. Нередко сопоставляются словоформы разных языков, схожие лишь на слух, причем допускаются довольно большие амплитуды в плане содержания. Иногда стремление к охвату возможно большего количества языков (родство которых еще не доказано) заставляет исследователей пренебречь основными постулатами сравнительно-исторического языкознания. Наконец, подмена приемов и процедур сравнительно-исторического языкознания критериями типологического и статистического порядка также весьма ощутима.

Выше говорилось о достоверности реконструируемых форм. Как может быть проверена такая праформа? Критериями могут служить: 1) насколько точно она отражает картину звукосоответствий в исследуемых языках, 2) насколько возможно в отдельных составляющих ее фонемах совмещение тех дифференциальных признаков, которыми они представлены, 3) привлечение материала неродственных языков в случае возможности допущения исторических контактов с ними.

Привлечение материала неродственных языков как один из способов проверки реконструированных форм полностью оправдало себя в области прагерманских заимствований в финском [6, 4, с. 44—45]. В настоящей статье мы попытаемся прибегнуть к такому «внешнему сравнению» с целью выяснения степени достоверности реконструированных форм пракартвельского и прадагестанского языков.

В картвелистике объектом разных интерпретаций стали соответствия сибилантов. За последние тридцать лет высказаны разные предположения о звуковых архетипах трех рядов соответствий:

- 1) груз. *s* (свистящий): зан. *s* (свистящий): сван. *s* (свистящий)
- 2) » *s* (свистящий): » *š* (шипящий): » *š* (шипящий)
- 3) » *š* (шипящий): » *šk* (шип. — вел.): » *šg* (шип. + вел.)².

Наиболее распространенными являются интерпретации Г. И. Мачавариани [7] и К. Х. Шмидта [8]. Г. И. Мачавариани реконструирует систему пракартвельских сибилантных фонем в виде трех рядов: ряд **s* (свистящие), ряд **s₁* (свистяще-шипящие, наподобие аналогичных звуков адыгских языков), ряд **š* (шипящие). Следовательно, в грузинском пра-

² Символы *s* и *š* в данном случае соответственно обозначают свистящую и шипящую фонемы вообще, а не только фрикативные сибиланты.

картвельские *s и *s₁ совпали в свистящий s, в занском и сванском свистящий остался без изменения, а свистяще-шипящий *s₁ изменился в шипящий. Что касается исконно шипящего *š, он сохранился в грузинском, а в занском и сванском развился в комплекс š + велярный той же серии. В отличие от Г. И. Мачавариани, К. Х. Шмидт предложил другую схему, постулировав соответственно *s, *š и *šk, т. е. те фонемы и комплексы, которые сохранились в занском и несколько модифицировались в сванском. При такой трактовке снимался вопрос о том, как совместить разную рефлексию грузинского и занского при наличии грузинско-занской языковой общности после распада картавельского праязыка. Согласно интерпретации К. Х. Шмидта, все получается как нельзя лучше: после распада картавельского языка на две ветви — грузинско-занскую и сванскую — сибиланты в обеих ветвях сохранились в исконном виде, т. е. груз.-зан. *s: сван. *s, груз.-зан. *š: сван. *š, груз.-зан. *šk: сван. *šk (> šg). Лишь после расщепления грузинско-занского языка произошли сдвиги в грузинском: *s/*š > s, *šk > š. Несмотря на всю логичность и элегантность такого решения, оно оказалось не вполне удовлетворительным, возникли новые трудности, на которые указал Г. И. Мачавариани [9, с. 58—59]. Они состояли в том, что при соответствии гармоничных групп согласных, состоящих из шипящего и задневелярного (груз. čx: мегр. čx, груз. čx: сван. šx, груз. čq: мегр. čq), для пракартавельского появилась нужда в реконструкции трехфонемных групп типа *čkx, *čkq, поскольку грузинские č и č̣ могли быть рефлексами только лишь комплексов čk, č̣k, по К. Х. Шмидту. Но поскольку примеров таких соответствий немного, с некоторых пор этому контраргументу особенного значения не придается. Весьма интересна попытка рассмотрения вопроса реконструкции пракартавельской сибилантной системы с точки зрения функциональной фонологии, предпринятая И. Г. Меликишвили. На основе фоностатистического анализа она пришла к заключению, что интерпретация Г. И. Мачавариани не соответствует общим типологическим закономерностям в смысле относительной частотности щелинных и аффрикат разных рядов. По этой причине предпочтение отдается интерпретации К. Х. Шмидта, которая лучше согласуется с данными фоностатистики [10]. Немецкий лингвист Х. Фенрих по поводу аргументов И. Г. Меликишвили пишет: «Бросается в глаза, что квантитативные соображения, рассмотрение с точки зрения частотности у нее (И. Г. Меликишвили. — Г. Б.) играют решающую роль. Однако количественные подсчеты не могут иметь такой ценности, какая свойственна количественным аргументам. Тем более, что квантитативные параметры, принимаемые ею за универсальные, весьма сомнительны с точки зрения их универсальности ..., по нашему мнению, только частотность фонем не может служить решающим основанием в пользу или против достоверности реконструкции. Когда И. Г. Меликишвили на основе своих соображений решает вопрос в пользу реконструкции К. Х. Шмидта в ущерб таковой Г. И. Мачавариани, этим, по нашему мнению, последнее слово не сказано» [11, с. 40]. Разделяя мнение Х. Фенриха, мы согласны, однако, с заключительной фразой работы И. Г. Меликишвили, в которой сказано, что дополнительные аргументы для реконструкции картавельской системы сибилантных фонем может дать «внешнее сравнение» картавельских языков [10, с. 55]. Именно такое «внешнее сравнение» дается и в цитируемой статье Х. Фенриха. Он указывает на то обстоятельство, что ряд общекртавельских корневых морфем находит параллели в нахско-дагестанских языках. Безотносительно к тому, как интерпретировать этот материал — как заимствование или как общее наследие, — факт остается фактом: в данном случае нахско-дагестанские формы показывают грузинское состояние, а не занское или сванское, т. е. грузинские заднесибилантные противостоят нахско-дагестанским без всякого следа велярных [11, с. 40].

Из приведенных автором сопоставлений наиболее убедительны: 1) груз. čat- «кушать», зан. č̣ḳot- — корень čat- андийских языков и арчинского со значением «жевать»; 2) груз. čed- «ковать», зан. č̣kad-, сван. škad- — лезг. č̣cad- «кузнец», таб., рут. žad-; 3) груз. maržwen- «правый», мегр.

marzgwān-, сван. *lersgwen* — анд. *hanččil* «правый», лак. *určū-*, лезг. *erči-*, таб. *arččul*, арч. *orč*, чеч. *ätü* [11, с. 40—41].

Особенно интересным нам кажется этот последний пример. Попытаемся поэтому подробнее проанализировать его. Основа со значением «правый, правая» закономерно дифференцирована в нахско-дагестанских языках и дает возможность реконструировать ее для нахско-дагестанского праязыкового уровня в виде **arččw-*. Основанием для подобной реконструкции служит соответствие: анд. *hančči-*, ахв. *ōāci-* : лак. *určw-a* : арч. *orčū-* : лезг. *erči* : таб. *arčču-* : ар. *harčča-* : рут. *harča-* цах. *hatta-* : уд. *ača* : чеч. *ätü* : инг. *atta* : бабб. *aŋi*³. Грузинское слово *maržwene/maržwena* содержит, по нашему мнению, основу *aržw-*, из которой образованы вышеуказанные формы циркумфиксом *m-* — *-e*, к которому добавляется частица *-ne/-na*. Такое предположение поддерживается наличием формы *maržwe* «ловкий, искусный, проворный». Модель *ma* — *ē* в грузинском непродуктивна (ср. *ma-sn-e* «вестник»). Сама основа **aržw-* для пракартвельского нетипична из-за гласного аялаута. Не исключено, что нах.-даг. слово **arččw* «правый» было заимствовано пракартвельским и использовано для разных дериватов, образованных по продуктивной модели *m* — *e*. Озвончение *čč* > *ž*, должно быть, произошло в собственно картвельском. Даже допуская обратное заимствование, мы не можем исходить из форм занского и сванского, так как фонемные группы *zg*, *sg* в нахско-дагестанских языках не представлены. Нахско-дагестанские формы покрывают грузинские. Поскольку это сходство не может быть отнесено к более позднему хронологическому уровню (контактов грузинского с отдельными восточнокавказскими языками), реконструкция пракартвельского **m-aržw-e-n* более достоверна.

К приведенным Х. Фенрихом примерам мы хотели бы добавить:

1) груз. *činčar-/žinčar-* «крапива», чан. *di(n)čkiži* (<**žinčkiri*) — нах.-даг. **miž(ar)* «крапива» (конечное *-ar* засвидетельствовано в агульском *mažar*). По мнению Х. Фогта [13, с. 544], в грузинском имеет место редупликация.

Т. Е. Гудава допускает связь картвельских форм с соответствующим нахско-дагестанским материалом [14, с. 706]. По нашему мнению, в грузинском корень **miž* редуплицирован: **žimžar* > **žimčar*. Оглушение происходит из-за несовместимости в основе типа *CVmC-Vr* двух звонких аффрикат одного ряда и требования создания удобной для картвельских языков последовательности звонкий + сонорный + глоттализированный. Очевидно, что нахско-дагестанская форма ближе к грузинской, чем к чанской.

В двух случаях дагестанские интенсивные глоттализированные свистящие находят параллели в картвельских языках в виде груз. *ç*, зан. *č*: сван. *č/ø*:

2) груз. *çw-a* «боль, жжение», мегр. *či-a*, сван. *a-č-i* «печет» — прадаг. *-*çç-* «боль, жжение»,

3) груз. *çabl-* «каштан»: зан. *čibur-/čubr*: сван. *heb* «черешня» — прадаг. **ççabil/ççabal* «виноград». Правда, семантическое расхождение ощутимо, но не меньшее расхождение в значении наличествует в самих картвельских языках.

И в этих случаях дагестанский материал ближе к грузинскому звучанию, в отличие от занского и сванского.

Имеются также весьма впечатляющие примеры близости грузинских форм с индоевропейскими⁴, в отличие от других картвельских:

1) и.-е. **sǵ-s* «домашняя свинья, дикая свинья» [15, с. 1038], ср. груз. *e-šw* «дикая свинья, кабан», мегр. **a-skū* в слове *o-sk-u* «свинарник» (<**o-asku-u* [16, с. 81]);

2) и.-е. **seǵ-/sǵ-* «рождаться» [15, с. 913], ср. др.-груз. *šev-/šv-* «рождать(ся)», *šv-il-i* «дитя», зан. *sk(w)* «нести яйца» (о птице), мегр. *sk-ir-i*, *sku-a*

³ Реконструкция этого слова, предложенная С. А. Старостиным в виде **ʀ VnžžV* (привлекается Вяч. Вс. Ивановым — см. [12]), несостоятельна уже потому, что геминированный или интенсивный звонкий чужд всем кавказским языкам, поскольку признак интенсивности несовместим с признаком звонкости.

⁴ Индоевропейские праформы здесь и далее приводим из этимологического словаря Ю. Покорного [15].

«дитя», сван. *am-sg-e* «сын». Близость этих основ была замечена еще Ф. Боппом, как указывает Г. А. Климов [16, с. 215].

3) и.-е. **sed-* «сидеть, садиться» [15, с. 884—885]. На наш взгляд, с этой формой можно увязать др.-груз. *šet-/št-/šed-/šd-* «оставаться», мегр. *skid-*, чан. *skud-/skid-*.

Все эти примеры наглядно показывают, что индоевропейские формы более сходны с грузинскими, а не с занскими или сванскими, так как в индоевропейских словах не видно ожидаемого в таких случаях комплекса *sk*. Так как собственно грузинский не мог иметь контактов с праиндоевропейским, надо полагать, что эти контакты имели место между индоевропейским и пракартвельским. Следовательно, для пракартвельского более вероятно реконструкция не комплексов типа *с и б и л я н т* + *в е л я р н ы й*, а простых шипящих и свистящих сибилантов. Тем самым интерпретация сибилантных соответствий, принадлежащая Г. И. Мачавариани, лучше отвечает требованиям реконструкции и поэтому более приемлема, чем любая другая, известная в картвелистике.

Не менее интересны нахско-дагестанские лексические параллели с индоевропейскими языками, что, на наш взгляд, также дает возможность верификации реконструированных нахско-дагестанских форм:

1) и.-е. **por̥ko-* «свинья» [15, с. 841] — прадаг. **bort'i'o* «свинья»;

2) и.-е. **kem-* «покрывать, устилать» [15, с. 556] — нах.-даг. **t'am/*t'om* «крыша»;

3) и.-е. **onogh-/ *ongh-/ *nogh-* «ноготь» [15, с. 780] — прадаг. **mVl'(w)/ *nVl'(w)* «ноготь»;

4) и.-е. **jugom* «ярмо» [15, с. 508] (по глоттальной теории **ju̯kom*) — нах.-даг. **jut't'o* «ярмо».

Приведенные примеры иллюстрируют передачу индоевропейских гуттуральных латеральными аффрикатами, причем глухих — глоттализованными, аспирированной же звонкой — аспирированной глухой. Не лишено интереса и то обстоятельство, что в первых двух случаях индоевропейские формы содержат палатализованные гуттуральные.

Исследуя индоевропейско-семитские языковые контакты, В. М. Илич-Свитыч обратил внимание на то, что в некоторых случаях «индоевропейскими палатализованным **ĝ*, **k̑* соответствуют протосемитские фонемы **ḏ*, **š*, для которых многие исследователи предполагают латеральную или латерализованную артикуляцию... преобразование латеральных в задненебные — весьма распространенный процесс. В самом афроазиатском аналогии индоевропейской рефлексации представляет египетское соответствие семитскому **ḏ* — палатализованный *ḏ* ...звук, отражающий также афроз. **g* перед гласными переднего ряда» [17, с. 9]. Автор приводит дополнительный аргумент в пользу латеральной артикуляции семитского **š* — его субституцию в греческом сочетании *ls* в древнем заимствовании: греч. *bálsamon* «бальзам, благовонное масло» < сем. (др.-ханаан.) **bašamu* «благовоние» [17, с. 9]. На это указывает также Д. Коэн, приводя евр. *bošem*, пунич. *bšm*, араб. *bašam*, для которых он восстанавливает форму **bšm* «благовоние». Греч. *bálsamon* он считает проникшим из арамейского [18, с. 88].

Точно такую же картину имеем и в приведенных нами примерах индоевропейско-восточнокавказских соответствий. Мы не будем обсуждать вопрос, где могли контактировать указанные языковые семьи. Однако несомненно, что время очень дальнее, поскольку контакт имел место на уровне праязыков. Не вдаваясь в подробности интерпретации этих (и многих других) лексических совпадений между указанными семьями языков, мы хотим подчеркнуть правильность реконструкции латеральных в нахско-дагестанском праязыке: «соответствия» латеральных именно с палатализованными гуттуральными дают право на такое заключение.

Верификация реконструированных форм с привлечением материала неродственных, но контактирующих языков тем самым является одним из важнейших компонентов методического аппарата сравнительно-исторического языкознания. Однако, пользуясь им, не следует забывать, что

оно лишь вспомогательное средство. Основным все-таки остается «внутреннее сравнение» в пределах родственной группы языков, достоверность которого обуславливается надежностью этимологических сопоставлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики.— В кн.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 255.
2. Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977, с. 89.
3. Gignieschwili B. Die Reihenfolge der Kompositionsglieder in der kharthwelischen Grundsprache.— In: [Abstracts of the] 5-th International Conference of historical linguistics. Galway. 5—10.VI.1981. Galway, 1981, S. 20—21.
4. Климов Г. А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Л., 1971.
5. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
6. Блаужилд Л. Язык. М., 1968, с. 337.
7. Мачавариани Г. И. О трех рядах сибилантных спирантов и аффрикат в картвельских языках.— В кн.: XXV Международный конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР. М., 1960.
8. Schmidt K. H. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der sudkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962, S. 54.
9. Мачавариани Г. И. Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
10. Меликишвили И. Г. Общекартвельская сибилантная система с точки зрения функциональной фонологии.— В кн.: Вопросы современного общего языкознания. V. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
11. Fähnrich H. Zur Rekonstruktion der gemeinkartwelischen Sibilanten.— Georgica, 1982, Hf. 5.
12. Иванов Вяч. Вс. Хурритские и хаттские этимологии.— В кн.: Этимология. 1981. М., 1983, с. 141.
13. Vogt H. Structure phonémique du géorgien.— NTS, 1958, b. XVIII.
14. Гудаса Т. Е. О лексических встречах между грузинским и аварским языками.— САН ГрузССР, 1954, т. XV, № 10.
15. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern — München, 199.5
16. Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
17. Иллич-Свитыч В. М. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты.— В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.
18. Cohen D. Dictionnaire des racines sémitiques ou attestées dans les langues sémitiques comprenant un fichier comparatif de J. Cantineau. Paris, 1976.